

ТЕМА НОМЕРА Войти в цветок

Каждый, кому в руки попадала фотографическая камера, среди многообразия форм окружающего мира, конечно же, выделял уникальную, многоликую и многоцветную форму цветка и многократно приводил в действие затвор камеры в надежде получить выразительный кадр. Не всегда и не у всех эти надежды сбывались. Цветы прилипали к резко очерченным предметам на заднем плане, натывались на острые углы столов и оконных рам, проваливались в анилиновой зелени травы, и в результате... Где та неповторимая форма, тонкие переходы цвета, изящная линия стебля и пухлость бутона в ожидании — вот-вот откроется; где все то, что остановило блуждающий взгляд и спровоцировало в сознании восторженное «Снимать!»?

В итоге таких порывов собирается достаточное число (а у настойчивых оно превышает все разумные пределы) снимков, которые, как и застольные «фотки» с красными лицами участников пира, вызывают легкую тошноту. Некоторые из них отправляются в семейные альбомы, украша-

стал понемногу приближаться к цветку ближе, ближе, еще ближе...

Пространство, в которое я попал, оказалось настолько утонченным, изысканным и, несмотря на малые размеры самого цветка, бесконечно протяженным, что я каждый раз с трудом и сожалением покидал его. Цвет. В природе нет, наверное, ни одного предмета, а правильнее сказать — существа (я в этом уверен, ведь известно, что цветы реагируют на эмоции и настроение людей), окрашенного так ярко и многообразно, с такими бесконечными переживаниями оттенков, очерченных совершенной линией, присущей каждому цветку.

Но самое удивительное то, что эти существа с восторгом заявляют о себе, о своем совершенстве и уникальности, настойчиво требуют любви и взаимности, истекают нектаром, источают головокружительные ароматы, игриво меняют позы и приоткрывают внутренний мир своих бутонов, до последнего дня сохраняя идеальную форму так, что, даже увядая, остаются привлекательными.

Я пришел к мысли, что цветок знает о времени много и, может быть, много больше человека, особенно мужчины; что цветок обладает целомудрием юной красавицы, знающей, как распорядиться своими достоинствами, какими ароматами привлечь к себе внимание, как надолго сохранить свою свежесть.

И это неудивительно, ведь мудрость цветка веками старше человеческой.

Задолго до той поры, когда человек начал сверять время по часам, а до того знал о нем по восходу-полудню-закату, и прежде того, как человек вообще впервые появился на поляне, там уже тысячами красовался цветок, тонкая мышца которого формировалась в ежедневной практике приветствия и поклонения животворящему солнцу, развивая совершенную форму лепестка и идеальную линию стебля. Уже тогда, не зная, что «все мое время, и время всякой вещи под небом», и не догадываясь о необратимых свойствах фарша, который не прокрутить назад, цветок, открывая бутон при встрече и закрывая его на прощание, бесконечное число раз встречал и провожал солнце, зная, где оно всходит и заходит; совершая это многовековое послушание, он достиг совершенства в знании времени, его скоротечности и необратимости, о цветении и об увядании.

Так, шаг за шагом, с восторгом и почтением я открывал для себя богатство внутреннего мира этого незатейливого существа, присутствующего рядом с человеком при всех значимых событиях его жизни.

Тем же путем, я думаю, шел Ван-Гог, рисуя такие банальные предметы, как стул, на котором сидел Гоген, и стоптанные ботинки, так, что мы отличаем их от обуви и стульев из нашей повседневной жизни и находим в них какие-то иные смыслы. Марсель Дюшан так впечатлился формой обычного унитаза и ассоциациями, вытекающими (не побоюсь этого глагола) из него, что, перенес его из пространства WC в музейное, предвосхитил новый жанр современного искусства — «ready-made». Или Хорст П. Хорст — так тонко и чувственно выстроил ряд тело — юбка — цветок, что мы, глядя на одно, представляем себе другое. Да что там великие, ведь усмотрел же неизвестный эстет в обычном сантехническом предмете форму тюльпана! Мы пойдем тем же путем, путем ассоциаций, метафор, поиска новых смыслов и неожиданных ракурсов, иначе встреча с «музейным унитазом» может не состояться.

Так, с восторгом и почтением я открывал для себя богатство внутреннего мира этого незатейливого существа, присутствующего рядом с человеком

ют рабочие столы, но, по большей части, заканчивают свой путь в мусорной корзине или теряются в лабиринтах жесткого диска в ожидании прощального форматирования.

Но если случилось так, что печальные результаты ваших стараний не убили в вас желания запечатлеть мир этих ярких существ, то вам предстоит познакомиться с этим миром поближе, полюбить его и, если получится, раствориться в нем...

Со мной это произошло следующим образом. Я, конечно же, как и все, временами «снял» цветы. Все эти снимки, в меру удачные и не очень, хранятся где-то в папках, папках картонных и компьютерных, хранятся так надежно, что следы их давно утеряны. Но как-то моя дочь прислала мне свои фотографии цветов, которые мне понравились своей лаконичностью, графической выразительностью — такие странные иероглифы, — и я решил послать ей в ответ цветы, снятые мною, легкомысленно надеясь быстро «нащелкать» что-нибудь оригинальное. Я начал снимать, и только отсняв — и отвергнув — множество банальных, «увиденных чужими глазами», кадров,

Разное макро

При всем уважении к крупным планам и личному пристрастию к макро, я нередко испытываю щемящее чувство, наверно жалости и сострадания, к странным существам с глазами муравьев, тараканов, кузнечиков, комаров и прочих мух, приговоренным к вечному смотрению в пучеглазое стекло объектива. Но, конечно же, и в макро-анималистике есть много снимков, вызывающих чувство восхищения и профессиональной зависти.